

Максим Антонович

О почве

Максим Алексеевич Антонович

О почве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2826655

Аннотация

«Самым несчастным и поразительным примером того, как бессмысленные стереотипные фразы затемняют дело, производят сбивчивость в понятиях, отнимая у них отчетливость, – служат журнальные толки и споры о каком-то предмете, которому дано аллегорическое название «почвы». Уже одно такое название показывает, что спорящие имеют неопределенное, не собственное, а тоже аллегорическое понятие о предмете спора, т. е. толкуют о том, чего никто из них не потрудился уяснить для себя...»

Максим Алексеевич

Антонович

О почве

*(не в агрономическом
смысле, а в духе «Времени»)*

Самым несчастным и поразительным примером того, как бессмысленные стереотипные фразы затемняют дело, производят сбивчивость в понятиях, отнимая у них отчетливость, – служат журнальные толки и споры о каком-то предмете, которому дано аллегорическое название «почвы». Уже одно такое название показывает, что спорящие имеют неопределенное, не собственное, а тоже аллегорическое понятие о предмете спора, т. е. толкуют о том, чего никто из них не потрудился уяснить для себя. В таких случаях обыкновенно люди бросаются с большим удовольствием на метафорические фразы, которые бы своею неопределенностью могли обманывать всякого, вместо дела представляли бы один пустой звук, маску или ширму, удобно скрывающую за собой пустоту, недостаток внутреннего содержания. По счастливой случайности сорвется у кого-нибудь с языка неопределенная фраза, с виду как будто имеющая некоторый смысл; вот за нее и ухватятся люди, бедные мыслями, начнут

жевать да пережевывать ее, играть ею, точно мячиком, придумывать для нее разные перифразы и антифразы. От частого употребления фразы глаза и уши так привыкают к ней, что никто уже не считает нужным вникать в ее смысл. Вместо того, чтобы высказать мысль, всякий говорит вам только избитую фразу; но все довольны и удовлетворяются фразой, воображая, что они действительно получили настоящую мысль, и нимало не подозревая того, что фраза не кажется им дикою и бессмысленною потому единственно, что они привыкли к ней, свыклись с ее звуком или начертанием.

История «почвы» начинается с «Маяка», толковавшего, впрочем, не о почве, а о народности. С легкой руки почтенного журнала поднялись продолжительные и ожесточенные споры о народности; явилась народность в науке, народность в искусстве, народность в жизни; явилось также и отрицание этой троякой народности. Многочисленные солидные умы совершенно серьезно препирались между собою о том: можно ли знать русскую историю без сочувственного отношения к ней? Пушкин народный ли поэт? квас лучшее ли питье, чем вода? И да и нет слышалось с разных сторон и в разных углах. Потом спорящие дошли до того, что говорить и спорить дальше не было никакой возможности, и тогда только ясно почувствовали всю пустоту и бессмысленность спора. А между тем они так привыкли к фразе, что им и в голову не приходило спросить себя: да что же такое народность? Им чудилось, что фраза имеет такой точный и определенный

смысл, что и спрашивать об этом не было никакой надобности. Однако каким-то чудом промелькнул наконец и вопрос: что такое народность? Для разрешения его стали собирать и печатать народные поверья и суеверья, древние и новые народные легенды, сказки и пословицы, в особенности народные песни. Действительно, порядочный ворох этого материала был собран, долго рылись и копались в нем; а все-таки знание народности оставалось в том же положении, в каком оно находилось еще при «Маяке». Что тут делать и как быть? Приходилось просто расставаться с таким драгоценным сюжетом, как народность, о которой можно было всегда наговориться вдоволь, в сытость и сладость. Вдруг раздается новая фраза: «почва», еще более неопределенная и, значит, более удобная, чем «народность». Понятно, с какую стремительностью и восторгом бросились на нее люди, имеющие крайнюю нужду в фразах. Читателю, хоть мельком пробегающему страницы некоторых журналов, конечно, известны тысячи ладов, на которые тянется и переливается эта благодетельная фраза; сначала она просто только забавляла и смешила, а теперь, наверное, надоела и опротивела для всех своим беспрестанным и однообразным гудением. «Самое важное дело почва, – гласит фраза: – от почвы все зависит, без почвы ничто невозможно, только на почве все может жить и произрастать. А мы между тем стоим не на почве; мы не чувствуем почвы под ногами; почва убегает от нас; почва чужда нам; мы оторвались от почвы и летаем в облаках, задыхаем-

ся от испорченного воздуха, который мы же сами испортили, удалившись от почвы». В параллель прежним спорам о народности, новая фраза звучит: «Наша наука, искусство и жизнь выросли не на почве, им недостает почвенного питания, оттого они слабы, хилы, чахлы, болезненны и несовершенны. Вследствие всего этого, нам необходимо и неизбежно нужно стать на почву, должно возвратиться к почве, на почву, в почву» и т. д. Из этой одной фразы, варьируемой на разные манеры, без всякой примеси мыслей, составляются целые большие статьи; ее употребляют для характеристики убеждений и направлений; ею пользуются как критерием для оценки чего бы то ни было, ею разят и губят все. Захочет кто-нибудь оспоривать вас, или просто вздумает обругать, он только скажет: «вы оторвались от почвы» – и вы признаетесь побежденным и униженным; апелляция к здравому смыслу, с просьбою решить вопрос: что такое почва и в какой мере преступно отрывание от нее, – не допускается, дело считается порешенным окончательно и неизменно. В величайшее затруднение пришли бы почвенники, если б их попросили не употреблять фразы о почве и ее вариаций; им и сказать нечего было бы. Мы имели в руках печатную страницу, на которой ничего не осталось, ни одной мысли и слова после того, как мы вычеркнули из нее фразу о почве. Одним словом, эта фраза грозит сделаться тем, чем была некогда колоссальная, но уже отжившая свой век фраза: «в настоящее время, когда...»; почве, кажется, суждено занять место «настояще-

го времени» и сделаться решительницею и вершительницею всех тяжб, споров и недоумений. Как прежде, бывало, желая обличить что-нибудь, обыкновенно восклицали в конце статей: «И все это делается в настоящее время, когда» и проч., а желая восхвалить, восклицали в начале: «В настоящее время, когда и проч. явилось новое отрадное явление», – так и теперь для тех же целей и с такою же основательностью употребляются: «оторвание от почвы» и «стояние на почве». Фраза о почве до того мила своею неопределенностью, что на ней сошлись и согласились даже те, которые некогда враждовали между собою из-за фразы о народности. Совершенно в такт и в тон приведенного мотива фразы о почве и другая сторона враждовавших принялась распевать по древним «крюкам»: «Да, мы оторвались от почвы, от утробы и персей нашей матушки – древней Руси, затащили полное тело ее, красавицы, в узкое немецкое платье, вместо квасу поим ее водою. А то ли дело квас! Подкрепляемые им, римляне покорили весь мир. И если б мы пили квас, давно бы уже соединили всех славян в одну огромную братскую семью, и земля наша была бы тогда велика и обильна».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.